

УДК 82; 82.31; 82-3; 82-1/-9

DOI: 10.30624/2220-4156-2024-14-2-219-229

**Марийская мифология и «поэтика необычайного»
в романе Ш. Идиатуллина «Последнее время»**

В. Р. Аминова

*Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань,
Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН,
г. Москва, Российская Федерация,
amineva1000@list.ru*

Э. Ф. Нагуманова

*Казанский (Приволжский) федеральный университет,
г. Казань, Российская Федерация,
ehlviran@yandex.ru*

А. З. Хабибуллина

*Казанский (Приволжский) федеральный университет,
г. Казань, Российская Федерация,
alsu_zarifovna@mail.ru*

АННОТАЦИЯ

Введение. Статья посвящена рассмотрению функций мифа и фольклора в современной литературе фэнтези. Актуальность работы обусловлена необходимостью уточнить и конкретизировать роль национальной мифологии в становлении эстетической системы транскультурной литературы.

Цель: выявить роль национальной мифологии марийцев в создании «поэтики необычайного», которая наиболее полно реализуется в жанре фэнтези.

Материал исследования: роман Шагиля Идиатуллина «Последнее время» (2020), художественной основой которого стали марийская мифология и фольклор.

Результаты и научная новизна. Установлено, что сказочно-мифологическая модель мира всесторонне проявилась в номинации его главного героя – древнего народа мары. Попадая в сферу условной, вымышленной реальности, народ мары, как и его пространственная локализация (в романе упоминаются заповедные, священные рощи, многочисленные реки и луга этой удивительной земли) переосмысливаются и трансформируются, подчиняясь жанровым законам этнофантастического повествования. Поэтика необычайного наиболее полно раскрывается в имплицитном противопоставлении образов, связанных с водоплавающими птицами (Айви, Чепи, Позанай, Матьер-Гусыня), которые генетически восходят к космогоническому мифу, и хищной птицы (Кошше). Доказано, что в романе «Последнее время» проявились характерные для транскультурной литературы закономерности функционирования мифологических образов и мотивов. В основе мифопоэтической картины мира, которая создаётся не только в контексте марийских традиций, но также татарской идентичности, действует интерференция – языковая, культурная, эстетическая. Коды, восходящие к разным национально-художественным и культурно-историческим системам, наслаиваются друг на друга и порождают релевантные пограничному типу художественного создания смыслы, которыми насыщены номинация персонажей и природных образов, сюжетные события и их интерпретация, мотивация поступков героев, жанровая природа фантастического романа.

Новизна данной работы в том, что в ней впервые выявляются смыслообразующие функции мифологической составляющей текста.

Ключевые слова: Ш. Идиатуллин, поэтика необычайного, марийская мифология, фантастический роман, интерференция, транскультурная литература

Для цитирования: Аминова В. Р., Нагуманова Э. Ф., Хабибуллина А. З. Марийская мифология и «поэтика необычайного» в романе Ш. Идиатуллина «Последнее время» // Вестник угроведения. 2024. Т. 14. № 2 (57). С. 219–229.

**The Mari mythology and the “poetics of extraordinary” in the novel
by Sh. Idiatullin “The Last Time”**

V. R. Amineva

*Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russian Federation,
A. M. Gorky Institute of World Literature,
Moscow, Russian Federation,
amineva1000@list.ru*

E. F. Nagumanova

*Kazan (Volga Region) Federal University,
Kazan, Russian Federation,
ehlviran@yandex.ru*

A. Z. Khabibullina

*Kazan (Volga Region) Federal University,
Kazan, Russian Federation,
alsu_zarifovna@mail.ru*

ABSTRACT

Introduction: the article is devoted to the consideration of the functions of myth and folklore in modern fantasy literature. The relevance of the work is due to the need to clarify and concretize the role of national mythology in the formation of the aesthetic system of transcultural literature.

Objective: to identify the role of the Mari national mythology in the creation of the “poetics of the extraordinary”, which is most fully realized in the fantasy genre.

Research materials: the novel “The Last Time” by Shamil Idiatullin (2020), the artistic basis of which is Mari mythology and folklore.

Results and novelty of the research: it is revealed that the fabulous and mythological model of the world was comprehensively manifested in the nomination of its main character – the ancient people of Mary. Falling into the sphere of a conditional, fictional reality, the Mari people, as well as their spatial localization (the novel mentions reserved and sacred groves, numerous rivers and meadows of this amazing land) are rethought and transformed, obeying the genre laws of ethnofantastic narration. The poetics of the extraordinary is most fully revealed in the implicit opposition of images associated with waterfowl (Ivy, Chepi, Pozanay, Mother Goose), which genetically go back to the cosmogonic myth and a predatory bird (Koshshe). It is proved that in the novel “The Last Time” the patterns of functioning of mythological images and motifs characteristic of transcultural literature are appeared. At the heart of the mythopoeic picture of the world, which is created not only in the context of Mari traditions, but also Tatar, there is interference – linguistic, cultural, aesthetic. Codes dating back to different national-artistic and cultural-historical systems are layered on top of each other and generate meanings relevant to the borderline type of artistic creation, which are saturated with the nomination of characters and natural images, plot events and their interpretation, the motivation of the actions of the characters, the genre nature of the fantasy novel.

The novelty of the work lies in the fact that for the first time an attempt to identify the meaning-forming functions of the mythological component of the text is made.

Key words: Sh. Idiatullin, poetics of extraordinary, Mari mythology, fiction novel, interference, transcultural literature

For citation: Amineva V. R., Nagumanova E. F., Khabibullina A. Z. The Mari mythology and the “poetics of extraordinary” in the novel by Sh. Idiatullin “The Last Time” // *Vestnik ugrovedeniya = Bulletin of Ugric Studies*. 2024; 14 (2/57): 219–229.

Введение

Одна из тенденций современного литературного процесса, проявившаяся наиболее отчётливо в творчестве авторов, реализующих в своём творчестве феномен культурного пограничья и ориентированных на диалог с разными традициями, – воссоздание в произведениях того или иного «национального образа мира» (Г. Гачев). С этой целью в качестве основных художественных кодов используются различные мифологические и фольклорные источники.

Связь с мифологической традицией прослеживается во многих произведениях современной литературы. В романах «Зулейха открывает глаза» (2015) и «Дети мои» (2018) Г. Яхина использует фольклорно-мифологические образы и мотивы, отсылающие в одном случае к татарской, в другом – к колониальной

немецкой традициям. В рассказе И. Абузярова «Корильные песни» (2002) описан мордовский свадебный обряд. В романах С. Юзеева «Не перебивай мёртвых» (2015) и Ш. Идиатуллина «Убыр» (2018) персонажи татарской мифологии участвуют в создании национальной картины мира. З. Хуснияр, В. Имамова, Р. Зайдулла и др. в своих произведениях обращаются к мифологическому хронотопу Леса и образу Шурале (духу леса) [20]. Мифологические и устно-поэтические начала традиционной культуры народа манси подвергаются переосмыслению в творчестве Ю. Шесталова после 1990-х годов [3]. В драмах и комедиях Ю. Байгузы, в лирике В. Изиляновой прослеживается связь с образами и мотивами марийской мифологии, в художественную систему произведений З. Дудиной, Г. Пирогова, В. Абукаева-Эмгака, А. Спиридонова включаются архетипические

образы-концепты. В то же время, рассматривая поэтику жанра «рассказ» в современной марийской литературе, Р. А. Кудрявцева и Л. В. Калашникова отмечают особый интерес марийских писателей к аксиологической проблематике [6].

Если в произведениях Ю. Шесталова («Откровения Крылатого Пастэра» и др.), А. Спиридонова («Югорно. Песнь о вещем пути») через мифы раскрывается национальный характер, своеобразие мировоззрения народов манси и мари, то совершенно иную функцию миф и фольклор приобретают в литературе фэнтези и в близких к ней произведениях, возникающих на «пересечении» массовой культуры и авторской сказки [13, 4] и тяготеющих к метажанровости [18]. Таков роман Ш. Идиатуллиной «Последнее время» (2020), художественной основой которого стали марийская мифология и фольклор.

Это произведение современного русскоязычного писателя в настоящее время является предметом читательского восприятия и критических оценок, порождая дискуссии вокруг разных аспектов его содержания, и прежде всего, проблематики, особенностей жанра, художественной поэтики в целом. Так, Т. М. Колянич рассматривает роман в рамках поэтики литературы фэнтези, акцентируя внимание на структурообразующей роли мифологического и фольклорного компонентов: «Авторская космогония традиционна, в структуре романа встречаются мифы о рождении, космогонический и эсхатологический» [9, 365]. Д. Ю. Сырысева подчёркивает неопределённую, многослойную жанровую природу романа: «С одной стороны, в нём трагедийно переосмысливаются черты авантюрно-плутовского романа, авантюрного романа испытания. С другой стороны, в романе можно выделить черты литературной сказки, однако традиции литературной сказки переосмысливаются писателем трагедийно» [15, 24]. Через призму марийской мифологии рассматривается разветвленная система персонажей, отличающаяся спецификой номинации. В этой связи Д. Ю. Сырысева считает, что образ Айви – одной из героинь романа, коррелирующий с девой Юмынудыр, персонажем марийской мифологии, переосмысливается и «наделяется совершенно новыми, несвойственными ему изначально чертами: Айви становится защитницей своего рода, девой-

воительницей, уничтожающей чужаков, вторгшихся на её родную землю» [15, 25].

В фантастической литературе Е. Н. Ковтун выделяет так называемую вторичную условность – источник *необычайного* в произведении, полагая, что «барьер восприятия» такой литературы, содержащий в себе установку на вымысел, значительно выше, так как читатель ясно «осознает, что события, о которых идёт речь, *вообще невозможны в реальности*» (выделено автором – Е. Н. Ковтун) [8, 40]. Е. Н. Ковтун выделяет разные виды вымысла: «рациональную фантастику, *fantasy*, сказочную, мифологическую, сатирическую и философскую условность» [8, 50]. По мнению исследователя, они проявляются как в относительно «чистом» виде, так и в форме *синтеза* разных типов. К приёмам необычайного относятся иносказание, «фантастическое допущение (посылка)»; маркеры вымышленного проявляются в сюжете и пространственно-временной структуре произведения, в которых реализуется определённая модель условной реальности. Поэтике необычайного свойствен «эффект реализации абстракций», связанный с созданием обобщённых образов, которые утрачивают, как считает Е. Н. Ковтун, свою индивидуальность и психологическую мотивацию поступков. Наиболее значимый в фантастической литературе, он позволяет через необычайное, вымышленное «представлять сложнейшие философские проблемы в зримом и конкретном художественном облике» [8, 55].

Наконец, наряду с «эффектом реализации абстракций», особое место в поэтике необычайного имеет «эффект ретроспекции», направленный на соотнесение «изображаемого с “вечными”, “архетипическими” образами и представлениями, берущими начало на самых ранних стадиях существования человеческого сознания» [8, 56].

На основе поэтики необычайного формируются особые типы условной образности, прежде всего такие, как сказочная фантастика, философское иносказание, мифологизация. Они, как правило, организуют художественный мир произведения и его отдельные стиливые приёмы. Как отмечает В. Ю. Грушевская, «семантический потенциал поэтики необычайного позволяет создавать целостные модели мира, раскрывающие смысл и ценность бытия, воплощать желаемое, создавать уникальную

атмосферу свободы, отойти от детерминированного образа мира и человека» [2, 11].

Задачи исследования: рассмотреть образы и мотивы марийской мифологии в раскрытии авторской философии истории; установить функции мифопоэтической составляющей текста в создании авторской типологии характеров переходной эпохи.

Теоретико-методологическую основу работы составляют труды, в которых разрабатывается теория мифа и обосновываются принципы мифопоэтического анализа текста [11; 17]. Нами также учитывались работы, в которых отражены различные подходы к осмыслению жанра фэнтези [13; 18] и фантастического в литературе [10].

На концепцию данного исследования повлияла теория транскulturации и транскulturного типа и соответствующих ему принципов поэтики и стиля, которая развивается отечественными и зарубежными учёными [12; 21; 22; 23; 24; 25; 26].

Материалы и методы

Материалом исследования является роман Ш. Идиатуллина «Последнее время» [4].

В решении поставленных задач были использованы мифопоэтический, культурно-исторический, системно-структурный методы анализа. Контекстно-герменевтический подход позволил воссоздать особенности транскulturного типа художественного сознания.

Результаты

В романе создан образ мира, воспроизводящий в аллегорически-фантастической форме авторское представление о переломных моментах в истории народа. Источником «поэтики необычайного» в романе «Последнее время» становится марийская мифология.

Мифология «последнего времени»

В основе сюжета романа – борьба народа мары за сохранение своей земли и самобытного образа жизни, который поддерживается тысячами до того момента, когда на эту землю приходят «чужие» люди, так называемые «кучники». Сказочно-мифологическая модель мира, выступающая своеобразной основой романа, наиболее ярко проявилась в номинации его главного героя – древнего народа мари. В марийском языке «мары», «мари» – «мужчина», «человек», «муж» [1, 50]. Попадая в сферу

условной, вымышленной реальности, народ мари, как и его пространственная локализация (в романе упоминаются заповедные, священные рощи, многочисленные реки и луга этой удивительной земли) переосмысливаются и трансформируются, подчиняясь жанровым законам этнофантастического повествования.

Ш. Идиатуллин назвал свой роман «этнополитфантастическим романом с элементами биопанка». В своих интервью он подчёркивает, что для создания фантастического мира «изучал книги, монографии и диссертации по фольклору, мифологии и этнографии, читал как жили финно-угры, викинги, северные германцы, вникал, из чего исходили язычники, как образовывались мужские и женские общины, как управлялись внегосударственные образования и так далее» [5]. Поэтому мы можем с уверенностью сказать, что современный русскоязычный писатель, создавая вымышленную землю, апеллирует к марийской мифологии сознательно и с определённой целью.

Древние космогонические мифы финно-угров связаны с выделением двух уровней пространственной организации мира: «мир верхнего океана и мир земного океана». Ю. А. Калиев считает, что «... в нижнем (земном) океане творческое начало демиургов создаёт мир по подобию верхнего» [7, 18]. Свообразным медиатором между земным и небесным океанами выступает утка – водоплавающая птица, ей отводится роль праматери.

Космогония Идиатуллина в целом традиционна: читая роман, мы погружаемся в мир, созданный воображением писателя, но тесно связанный с космогоническими представлениями марийцев. «Небо было всегда, земля под ним была всегда, не всегда рос лес и поля, и всегда на земле жили мары. А Патор-утёс стоял не всегда, он возник когда-то, не как часть мира, который всегда, а как человек, который временно» [4, 242]. На земле мары существуют свои законы, жизнедеятельностью племени управляют матери и старец Арвуй-кугызы. Поэтому так чтут мары Мать-Перепёлку («Это же мать наша»).

Земля мары рождает особых людей, которые ощущают тесную связь с землёй («Мы ростки земли, дети богов, сестры птиц и матери мира, мы решаем сами и отвечаем за себя») [4, 41]. Они не знают войн и других потрясений, потому что строго чтут законы в пределах своего замкнутого пространства.

В мифологии финно-угров сотворение мира и конец связаны со стихиями огня и воды. Но последнее время в романе настанет не для земли, а для народа мары. Именно поэтому Арвуй-кугыза говорит, что «тысячи лет прошли. Наступило последнее время для нашего союза с этой землёй – но не для этой земли и не для нас. Земля уйти не может. Поэтому уходим мы, а она остаётся» [4, 429]. Последнее время связано прежде всего со смертью великого бога Кугу Юмо («Кугу-Юмо умер, как умерли его братья, жены, дети, друзья и враги» [4, 265]).

Идиатуллин наряду с тем, что использует материал, связанный с марийской (шире финно-угорской) мифологией, творит вторичную условность за счёт новых деталей. Марийская мифология становится не только предметом интерпретации, но и воссоздания нового мира. В повествование вводится элемент необычайного в широком смысле, он основан на «ощутимой двуплановости иносказательности образов и сюжетов, требующей, помимо простого восприятия, ещё и толкования художественного текста» [8, 53].

Мифологическая и сказочная условность в романном сюжете наиболее ясно раскрывается в мотиве превращения живой воды в мёртвую. Известно, что стихия воды – одна из наиболее почитаемых в мифологическом сознании марийцев. Как пишет Л. С. Тойдыбекова: «В языке фольклора метафорой Родины является связь земли с водой. <...> Для каждого марийца своя земля – это центр мира и гармонии. Вода – стихия светлая, она смывает и уничтожает всякие злые намерения противника. Она заживляет нанесённые раны, срывает мёртвые тела, исцеляет» [16, 77]. Опираясь на мифологию марийцев, автор романа тем не менее существенно трансформирует древнейшие представления о воде. Теперь образ воды развивается в дискурсе поэтики необычайного, утрачивая возвышенные черты, наконец, он трансформируется в образ не природного происхождения – в стихию крови. Наиболее ярко такое перевоплощение как сказочная метаморфоза проявилось во второй части романа, имеющей символическое заглавие – «О крови не беспокойся», в которой главной героиней, участвующей в наступлении на землю маров, является пленница Кошше.

Именно этот образ ассоциируется с кровью: героиня-воительница совершает кровавую

расправу с теми, кто покушается на её честь и жизнь, с другой стороны, она сама становится частью кровавой стихии, по-своему воплощает её. Отсюда – не различие между водой и кровью в сознании Кошше, а также слияние крови со сталью – жёсткого металла, олицетворяющего грубую силу и смерть. В последующих главах романа, посвящённых борьбе народа мары за свою землю, влияние кровавой, мёртвой стихии на окружающее пространство только усиливается; теперь деталь «капли крови» «сопровождает» добрых мары: Айви, Озея и других, уже не оставляя никаких представлений о воде как живом и исцеляющем источнике.

С одной стороны, условное мифологическое пространство романа заполняют реки, озёра, леса и священные (заповедные) рощи – сакральные места для истинных мары. Среди них выделяется великая река Юл, которая словно расположилась вдоль границы этой земли, отделяя её от других мест. С другой – в романе переосмысливаются и получают оригинальное воплощение целый ряд легенд, связанных с водой, которые восходят к мифологии марийцев. Так, образ великой реки Юл, подобен, например, Вятке, Котельнич, исходных пунктов земли луговых марийцев: Юл также обрамляет, конкретизирует огромное пространство этой чудесной земли [1, 72]. Подчеркнём, что особенностью образов водной стихии в романе является их единство с жителями древнего народа: реки и земля оберегают мары, так и мары берегут свой необычный мир («...мары берегут свою землю, земля бережёт своих мары. Ото всех, кто угрожает») [4, 142]. В такой интерпретации «водного» пространства, напротив, чувствуется стремление автора быть близким к мифологическому сознанию мари.

Топос земли мары, как мы видим, с одной стороны, восходит к мифологическим представлениям, с другой – существенно меняется, преодолевая исконно «марийские» черты. Так, Хейдар, рассказывая Кошше о традициях мары, упоминает, в частности, о «самодвижущейся» речке, которая перемещивается с землёй так, что «встанешь – несёт тебя, как ручей утку. И переходы есть, и колодца специальные. Это к рекам, озёрам разным. И летают они немножко» [4, 143]. Такой необычайный рассказ о реках – маркер фантастического в романе, с помощью которого создаётся сказочная модель мира. В нём отражается отдалённый, неясный

след того, что входило в основы национальной идентичности марийского народа.

Образ великой реки Юл символизирует в романе силу Добра и Величия. Её номинация совершенно неслучайна. Словом «юл» называется «коренная» река. Юл – это Волга на марийском языке. В то же время в татарском языке оно имеет другую семантику: *юл* – это путь, дорога, направление. Можно предположить, что в романе, созданном писателем, чьё творчество складывается «в контексте транскультурной модели художественного развития» [12, 6], такая номинация наделяет образ реки дополнительным значением, создающим представление об особом пути народа мари в истории Вселенной, всего человечества.

Происходящие в жизни людей изменения определяются метафорой «последнего времени»: оно характеризуется тем, что земля, на которой живёт тот или иной народ, становится враждебной по отношению к нему: «На самом деле люди, скот, дома и государства бегут со своей земли не по своей воле и не оттого, что земля испортилась. <...> А бегут они только оттого, что их выдавливают соседи ...» [4, 179]. Перед тем как созвать общий съезд, государь обсуждает вопрос о начале войны с айгучи, который заверяет его в готовности людей ночи занять Итиль и предлагает несколько обозначений наступившему времени:

«– У обета было начало, государь. Значит, должен быть и конец.

– Ахыр заман, – пробормотал элик.

Айгучи поёжился. В устах повелителя государства, простирающегося от рассвета до заката, старушечья присказка «Последнее время» звучала жутковато.

– Башка заман, государь, – сказал айгучи и осторожно добавил: – Или баш заман.

– Другое время или первое время, – повторил элик, помолчав. – Камни помнят и такое» [4, 180–181].

Разрушение старого мира и творение нового интерпретируется в романе в архаическо-мифологическом смысле как потеря одного пространства, соответствующего магической реальности и воспринимаемого как «своё», и обретение другого. Это новое пространство соответствует рождению индивидуально-личностного начала в герое и осмысливается в категориях «бесконечности». Человек наделяется теургической властью над землёй: «Не было

ни знамён, ни вымпелов у народа, отказавшегося от собственной земли. Народ без достоинства не заслуживает внимания. Внимания достойны твой народ, твой враг, бесконечное небо – и земля, бесконечность которой зависит только от тебя» [4, 478].

Персонажи «последнего» и «первого» времени

Изображаемое в романе время катастрофического изменения всего строя жизни становится испытанием для каждого из героев романа.

Среди огромного количества персонажей особое место занимает образ Айви, которая наделяется чертами богини Юмынудыр, «это первый антропоморфный образ в полотне астральной модели мира мари» [7, 139]. Говоря о марийской мифологии, мы выделили образ верховного бога Юмо и Айви (дева Юмынудыр в марийской мифологии). Бог Юмо лишь упоминается в речи Арвуй-кугызы, который говорит о смерти всех богов. Образ Айви сложен, т. к. он несёт в себе печать мифологических представлений мари, в то же время отличается от девы Юмынудыр.

В мифологии Юмынудыр – «дочь Юмо (йымы), небесная пастушка, вышедшая замуж за смертного». Оригинальное толкование образа Юмынудыр как небесной пастушки, пряжи, вышивальщицы, водоноски и хлебопека даёт Ю. А. Калиев в своей монографии о мифологическом сознании марийского народа [14, 150]. В романе Идиатуллина Айви лишь в момент катастрофы находит Серебряный гриб на Заповедном острове, с помощью которого трансформирует окружающий мир и убивает степняков. В произведении, таким образом, Айви наделяется фантастическими качествами, в ней просыпается в финале дева-воительница, но неспособность её сохранить близких людей и свой род делает её образ трагическим.

Интересен образ другой женщины-воительницы, Кошше, в котором заложен архетип амазонки. Кошше – воительница, которая не по своему желанию вступает на землю мари, в колдовские леса, чтобы забрать волшебный цветок, с помощью которого можно будет очистить воду и еду, так как «сок в ней особый». Сравнение с Амазонкой проходит через сюжет романа, подчёркивая архетипические истоки героини русскоязычного автора. Аллюзия на античный образ Амазонки раскрывается в сравнении Кошше с женщиной «с бронзовой

грудью» [4, 124]. Героиня воспринимается как удивительная, непохожая на других женских персонажей. Её особенный характер подчёркивает то, что в ней якобы «кровей всяких намешано», что она «из пограничных», происходит от элинов.

Вместе с тем в романе Идиатуллина Кошше раскрывается также с другой, совершенно не сказочной стороны: она заключает в себе черты трагической личности. Её всеохватывающая, нежная любовь к маленькому сыну, мальчику, с которым она жестоко разлучена, значительно трансформирует воинственный образ амазонки, погружая его в область общечеловеческих чувств, «живой» жизни, наконец, превращает её в психологически сложный художественный персонаж.

Несмотря на то, что героиня романа Идиатуллина генетически восходит к античным образам женщин-воительниц, автор переосмысливает этот архетип в свете поэтики вымышленного. Так, выбранное имя (Кошше) – двойственно и неопределённо, оно словно находится на границе фантастического мира и объективной реальности. С одной стороны, в нём ясно звучит семантика слова «птица» («кош» в переводе с татарского языка означает птица), с другой – роман раскрывает необычайную интерпретацию её имени. В диалоге с Хейдаром Фредгарт признаётся, что «кошчы или даварчы – это у кочмаков пленный при лагере: они лагерь «кош» или «давар» называют. Мальчик или девочка, одежда из заплат, тощий, иногда на цепи, обычно из самого вражеского рода. Готовит, казан моет и так далее» [4, 123]. «Игра» смыслов имени этой героини создаёт основу для необычайного как в истории жизни Кошше, так и в психологической составляющей её образа: она – пленница, рабыня, поэтому вынуждена повиноваться своему господину и даже идти на преступления, вопреки своей воле. И в то же время она – носитель свойств сильной и гордой птицы. Кошше по-своему сильному характеру ближе к птицам «небесного», запредельного пространства, например, ястребу или гагаре, а не водно-воздушной сферы – утки, которая в марийской модели мироздания выступала «связующей ниточкой между островком обитания человека и остальным миром» [1, 51].

Таким образом, имплицитное противопоставление образов, связанных с водоплавающими птицами (Айви, Чепи, Позанай, Матерь-Гусыня), которые генетически восходят

к космогоническому мифу, и хищной птицы (Кошше), по-своему подчёркивает черты необычайного и самобытного в русскоязычном романе.

Поэтика необычайного, вымышленного раскрывается в номинации героев современного писателя. Как и имя Кошше, пограничное, размытое и одновременно коннотативное значение имеют имена других фантастических персонажей. Так, имя Арвуй-кугуза не имеет тюркских корней, оно восходит к образу небесного божества у мари-язычников (кугуза), слово же «арвуй» означает на языке марийского народа вожака, жреца. Сходную с данной номинацией «верховную», «предводительскую» функцию выполняет Арвуй-кугуза в романе «Последнее время».

Наличие среди множества персонажей романа знаковых фигур, связанных как с мифологическими представлениями марийцев (Айви, Арвуй-кугуза и др.), так и созданных воображением писателя (например, орт Махись, у которого вместо крови течёт жидкое серебро, смертельное для любого человека и животного), расширяет сферу фантастического в произведении. Большинство ключевых персонажей романа вписываются в контекст поэтики необычайного, выявляющей их изначальную причастность к стихиям, первоначалам и глубинным тенденциям народно-национального бытия.

В системе персонажей выделяется образ Кула – героя, не укоренённого в том или ином культурно-историческом слое, и мучительно ищущего своё место в мире, переживающем катастрофическое расстройство основ бытия. Именно такой человек оказывается ближе к стихийному процессу исторического становления. Кул, пришедший с врагами и оставшийся жить на земле мары, ощущает себя чужим в этом мире. Предпочитая прошлое забыть «сразу и глухо» [4, 196], он страдает от одиночества. В отличие от простых и цельных героев романа, действующих в соответствии со своей предзаданной ролью, этот герой проходит путь самопознания и самоопределения, результатом которого становится совершаемый им выбор. Кул не выполняет предписанного ему предназначения: вместо того, чтобы помочь степнякам завоевать земли мары, он спасает племя, давшее ему в своё время кров: «Мальчик узнал свою силу как часть нашей. Остальное

– вопрос времени» [4, 472], – замечает один из старцев («айгучи»).

В отличие от других персонажей, Кул изображается в процессе духовного развития, подчинённого поиску согласия между личным и внеличным, «своим» и «чужим», осознанным и стихийным. Герой не удерживает в себе готовые, застывшие, отстоявшиеся ценности коллективного народного опыта, он заново обретает эти ценности, накапливает их постепенно своей жизнью и полнотой своего личного опыта. В начале романа Кул предстаёт человеком, сущность которого определяется семантикой его имени «раб»: «Кул был неловким, медлительным и откровенно туповатым уродцем без рода, крови, способностей, получается, умений» [4, 24]. В финале произведения он преобразуется, перестаёт быть «кулом» и измеряется иными, чем прежде, масштабами. Теперь герой соотносится не с землёй, а с небом, превращающим его в свободного человека: «Глупый раб умер, лопнул, растёкся и испарился под холодным и пристальным утренним солнцем, и небо вобрало этот пар, сделало его своей частью, позволив увидеть мир таким, каков он на самом деле, – крохотным, понятным и способным меняться под правильным воздействием» [4, 478–479]. Таким образом, стремление Кула не утвердить уже сложившуюся жизненную позицию, а найти её, позволяет ему стать исключительной личностью, творцом истории.

В финале фантастического повествования автор называет Кула иначе – *Акол*. Воздействие на его сознание ценностей самобытного народа мары, путь испытаний, который он проходит вместе с ним, постепенно трансформировали в нём тёмную, рабскую сторону своего предназначения и преобразили его в более светлую и сильную личность. Это подчёркивает слово «ак» («белый») – знак возвышения героя над самим собой и своей судьбой. Неслучайно в финале «Последнего времени» Акол тянется к чистому небу, которое уже ждало его: «Акол, покачнувшись, встал под небом, которое наконец его дождалось, и пошёл к своим» [4, 479].

Обсуждение и заключение

Мифологические образы не исчезают из культуры XXI в., а переходят в сферу поэти-

ческой фантазии, способствуя созданию художественного мира современного фэнтези. Поэтика необычайного в романе Ш. Идиатуллина возрождает мифологические принципы восприятия реальности: она распространяется на образы, воссозданные в романе, принципы обобщения действительности, опирающиеся не на логику, а на ассоциативные связи, архетипические иерархии, эмоциональные импульсы.

Поэтика необычайного в романе выполняет две основные функции. Во-первых, автор творит свою мифологию истории, ход которой определяется самодвижением природных стихий: земли, неба, огня, воды, воздуха. Внешнее течение жизни, соединяясь с ситуацией выбора исторического и индивидуального будущего, складывается в философию судьбы народа и человека. Во-вторых, с помощью поэтики необычайного раскрываются разные типы характеров героев, соответствующих авторской космогонии: подчинённых определённым и твёрдым формам жизни и находящим в них своё место, сохраняющих цельность природы (например, Айви); внутренне независимых и сильных, как Кошше, позиция которой при всей субъективной произвольности, обусловлена силами необходимости; наконец, решающих проблему самоопределения и ищущих себя и свой путь, принципиально незавершённых, что делает их причастными к также не имеющему итогов подспудному току национально-исторического бытия (образ Кула).

В романе «Последнее время» проявились характерные для транскультурной литературы закономерности функционирования мифологических образов и мотивов. Мифопоэтическая картина мира выстраивается в контексте разных национальных традиций, не только марийской, но и татарской. В глубине этого мира действует интерференция – языковая, культурная, эстетическая. Коды, восходящие к разным национально-художественным и культурно-историческим системам, наслаиваются друг на друга и порождают транзитивные смыслы¹, которыми насыщены номинация персонажей и природных образов, сюжетные события и их интерпретация, мотивация поступков героев, жанровая природа романа.

¹ Понятие транзитивности, раскрывающее специфику полилингвального литературного дискурса [19, 11], может быть использовано и для характеристики процессов транскulturации, актуализирующих идею перехода границ.

Список источников и литературы

1. Аксдорин В. А. Прошлое марийского народа в его эпосе / под. ред. Н. В. Морохина. Саров: Альфа, 2000. 88 с.
2. Грушевская В. Ю. Становление поэтики необычайного в творчестве Анатолия Кима // Вестник Томского государственного университета. 2007. № 303. С. 10–14.
3. Динисламова С. С. К вопросу о мифологической проблематике в творчестве Ю. Шесталова // Вестник угроведения. 2017. № 1 (28). С. 46–57.
4. Идиатуллин Ш. Ш. Последнее время: роман. М.: Изд-во АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2020. 478 с.
5. Идиатуллин Ш. «Пока все отдыхают и пляшут – я сижу и пишу». URL: <https://mnogobukv.hse.ru/news/414131768.html?ysclid=ltixax4dlg279113086> (дата обращения: 09.02.2024).
6. Калашникова Л. В., Кудрявцева Р. А. Аксиологическая антитеза в образной системе марийского нравственно-психологического рассказа второй половины XX века // Вестник угроведения. 2019. Т. 9. № 3. С. 427–438. DOI: 10.30624/2220-4156-2019-9-3-427-438.
7. Калиев Ю. А. Мифологическое сознание мари. Феноменология традиционного мировосприятия: монография. Йошкар-Ола: Изд-во Мар. ун-та, 2003. 216 с.
8. Ковтун Е. Н. Поэтика необычайного: Художественные миры фантастики, волшебной сказки, утопии, притчи и мифа. (На материале европейской литературы первой половины XX века). М.: Изд-во МГУ, 1999. 308 с.
9. Колядич Т. М. Мифологические и фольклорные компоненты в современной фэнтези (Ш. Идиатуллин «Прошедшее Время») // Вестник Удмуртского университета. 2022. Т. 32. Вып. 2. С. 363–367. DOI: 10.35634/2412-9534-2022-32-2-363-367.
10. Лахманн Р. Дискурсы фантастического / перевод с немец. М.: Новое литературное обозрение, 2009. 384 с.
11. Мелетинский Е. М. Поэтика мифа. М.: Вост. лит., 2000. 406 с.
12. Набиуллина А. Н. Феномен транскulturации в современной русскоязычной прозе (на материале произведений И. Абузярова, Г. Яхиной, Ш. Идиатуллина, А. Хаирова): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2023. 24 с.
13. Павлухина О. В. Мифическое и магическое в современной британской детской литературе: автореф. дисс. ... канд. философ. наук. СПб., 2014. 29 с.
14. Ситников К. И. Словарь марийской мифологии. Йошкар-Ола: МПИК, 2006. Т. 1: Боги, духи, герои. 160 с.
15. Сырысева Д. Ю. Магический реализм в русскоязычной прозе современных татарских писателей: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 2023. 32 с.
16. Тойдыбекова Л. С. Марийская мифология. Этнографический справочник. Йошкар-Ола: МПИК, 2007. 312 с.
17. Топоров В. Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического. М.: Прогресс: Культура, 1995. 623 с.
18. Хоруженко Т. И. Русское фэнтези: на пути к метажанру: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2015. 24 с.
19. Хромова Е. О. Полилингвальность в современном литературном дискурсе (на материале романов А. А. Макушинского и В. Г. Зебальда): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2019. 23 с.
20. Шаряфетдинов Р. Х. Обращение к мифопоэтическому образу Шурале в современной татарской прозе // Наука и школа. 2021. № 3. С. 37–43. DOI: 10.31862/1819-463X-2021-3-37-43.
21. Шафранская Э. Ф., Гарипова Г. Т. Тувинский текст в аспекте транскulturации // Полилингвильность и транскulturальные практики. 2023. Т. 20. № 3. С. 497–514. DOI:10.22363/2312-8127-2023-20-3-497-514.
22. Vamiro, E. O. Transcultural Creativity in World Englishes: Speech Events in Nigerian English Literature // International Journal of Linguistics. 2011. Vol. 3. № 1. Pp. 1–16.
23. Berry E., Epstein M. Transcultural Experiments: Russian and American Models of Creative Communication. New York: St. Martin's Press, 1999. 340 p.
24. Bhabha H. The Location of Culture. London; New York: Routledge, 1994. 285 p.
25. Dagnino A. Global Mobility, Transcultural Literature, and Multiple Modes of Modernity // Transcultural Studies. 2013. № 2. Pp. 45–73.
26. Kachru Braj B. The bilingual's creativity: Discoursal and stylistic strategies in contact literatures in English // Studies in the Linguistic Sciences. 1983. Vol. 13. № 2. Pp. 37–55.

References

1. Aksdorin V. A. *Proshloe mariyskogo naroda v ego epose* [The past of the Mari peoples in their epos]. Ed. by N. V. Morokhin. Sarov: Alfa Publ., 2000. 88 p. (In Russian)
2. Grushevskaya V. Yu. *Stanovlenie poetiki neobychnogo v tvorchestve Anatoliya Kima* [Formation of extraordinary poetics of Anatoly Kim's prose]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Tomsk State University Journal], 2007, no. 303, pp. 10–14. (In Russian)
3. Dinislamova S. S. *K voprosu o mifologicheskoy problematike v tvorchestve Yu. Shestalova* [To the issue about myth-

- ological problematics in the creative work of Yu. Shestalov]. *Vestnik ugrovedeniya* [Bulletin of Ugric Studies], 2017, no. 1 (28), pp. 46–57. (In Russian)
4. Idiatullin Sh. Sh. *Poslednee vremya* [The Last Time]. Moscow: Izd-vo AST Publ.; Redaktsiya Eleny Shubinoy Publ., 2020. 478 p. (In Russian)
5. Idiatullin Sh. “*Poka vse otдыхayut i plyashut – ya sizhu i pishu*” [While everyone relaxes and dances, I am sitting and writing]. Available at: <https://mnogobukv.hse.ru/news/414131768.html?ysclid=ltixax4dlg279113086> (accessed February 09, 2024). (In Russian)
6. Kalashnikova L. V., Kudryavtseva R. A. *Aksiologicheskaya antiteza v obraznoy sisteme mariyskogo npravstvenno-psikhologicheskogo rasskaza vtoroy poloviny XX veka* [Axiological antithesis in the image system of the Mari moral and psychological short story of the second half of XX century]. *Vestnik ugrovedeniya* [Bulletin of Ugric Studies], 2019, no. 9 (3), pp. 427–438. DOI: 10.30624/2220-4156-2019-9-3-427-438. (In Russian)
7. Kaliev Yu. A. *Mifologicheskoe soznanie mari. Fenomenologiya traditsionnogo mirovospriyatiya: monografiya* [Mythological consciousness of the Mari people. Phenomenology of traditional worldview]. Yoshkar-Ola: Izd-vo Marijskogo universiteta Publ., 2003. 216 p. (In Russian)
8. Kovtun E. N. *Poetika neobychnogo: Khudozhestvennye miry fantastiki, volshebnoy skazki, utopii, pritchi i mifa. (Na materiale evropeyskoy literatury pervoy poloviny XX veka)* [The poetics of the extraordinary: Artistic worlds of fantasy, fairy tales, utopia, parables and myths. (Based on European literature of the first half of the XX century)]. Moscow: Izd-vo MGU Publ., 1999. 308 p. (In Russian)
9. Kolyadich T. M. *Mifologicheskije i fol'klornye komponenty v sovremennoy fentezi (Sh. Idiatullin “Proshedshee Vremya”)* [Mythological and folklore components in modern fantasy (“The Last Time” by Sh. Idiatullin)]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta* [Bulletin of Udmurt University], 2022, no. 32 (2), pp. 363–367. DOI: 10.35634/2412-9534-2022-32-2-363-367. (In Russian)
10. Lakhmann R. *Diskursy fantasticheskogo* [Discourses of the fantastic]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2009. 384 p. (In Russian)
11. Meletinskiy E. M. *Poetika mifa* [Poetics of the myth]. Moscow: Vostochnaya literature Publ., 2000. 406 p. (In Russian)
12. Nabiullina A. N. *Fenomen transkul'turatsii v sovremennoy russkoyazychnoy proze (na materiale proizvedeniy I. Abuzyarova, G. Yakhinoy, Sh. Idiatullina, A. Khairova)* [Phenomenon of transculturation in modern Russian-language prose (based on the works of I. Abuzyarov, G. Yakhina, Sh. Idiatullin, A. Khairov)]. Kazan, 2023. 24 p. (In Russian)
13. Pavluchina O. V. *Mificheskoe i magicheskoe v sovremennoy britanskoy detskoy literature* [The mythical and the magical in modern British children's literature]. Saint-Petersburg, 2014. 29 p. (In Russian)
14. Sitnikov K. I. *Slovar' mariyskoy mifologii* [Dictionary of Mari mythology]. Yoshkar-Ola: MPIK Publ., 2006. Vol. 1: *Bogi, dukhi, geroi* [Gods, spirits, heroes]. 160 p. (In Russian)
15. Syryseva D. Yu. *Magicheskij realizm v russkoyazychnoy proze sovremennykh tatarskikh pisateley* [Magic realism in Russian-language prose of the modern Tatar writers]. Moscow, 2023. 32 p. (In Russian)
16. Toydybekova L. S. *Mariyskaya mifologiya. Etnograficheskij spravochnik* [Mari mythology. Ethnographic reference book]. Yoshkar-Ola: MPIK Publ., 2007. 312 p. (In Russian)
17. Toporov V. N. *Mif. Ritual. Simvol. Obraz: Issledovaniya v oblasti mifopoeticheskogo* [Myth. Ritual. Symbol. Image: Studies in the field of the mythopoetic]. Moscow: Progress: Kultura Publ., 1995. 623 p. (In Russian)
18. Khoruzhenko T. I. *Russkoe fentezi: na puti k metazhanru* [Russian fantasy: on the way to a meta-genre]. Yekaterinburg, 2015. 24 p. (In Russian)
19. Khromova E. O. *Polilingval'nost' v sovremennoy literaturnom diskurse (na materiale romanov A. A. Makushinskogo i V. G. Zebal'da)* [Polylinguality in the modern literary discourse (based on the novels by A. A. Makushinsky and V. G. Zebald)]. Yekaterinburg, 2019. 23 p. (In Russian)
20. Sharyafetdinov R. Kh. *Obrashchenie k mifopoeticheskomu obrazu Shurale v sovremennoy tatarskoy proze* [Appeal to the mythopoetic image of Shurale in modern Tatar prose]. *Nauka i shkola* [Science and School], 2021, no. 3, pp. 37–43. DOI: 10.31862/1819-463X-2021-3-37-43. (In Russian)
21. Shafranskaya, E. F., Garipova G. T. *Tuvinskiy tekst v aspekte transkul'turatsii* [The Tuvan text in the aspect of transculturation]. *Polilingvial'nost' i transkul'turnye praktiki* [Polylinguality and transcultural practices], 2023, no. 20 (3), pp. 497–514. DOI:10.22363/2312-8127-2023-20-3-497-514. (In Russian)
22. Bamiro E. O. *Transcultural Creativity in World Englishes: Speech Events in Nigerian English Literature*. *International Journal of Linguistics*, 2011, no. 3 (1), pp. 1–16. (In English)
23. Berry E., Epstein M. *Transcultural Experiments: Russian and American Models of Creative Communication*. New York: St. Martin's Press, 1999. 340 p. (In English)
24. Bhabha H. *Nation and Narration*. London; New York: Routledge, 1990. 333 p. (In English)
25. Dagnino A. *Global Mobility, Transcultural Literature, and Multiple Modes of Modernity*. *Transcultural Studies*, 2013, no. 2, pp. 45–73. (In English)
26. Kachru Braj B. *The bilingual's creativity: Discoursal and stylistic strategies in contact literatures in English*. *Studies in the Linguistic Sciences*, 1983, no. 13 (2), pp. 37–55. (In English)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Аmineva Венера Рудалевна, профессор кафедры русской литературы и методики её преподавания, Казанский (Приволжский) федеральный университет (420008, Российская Федерация, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Кремлевская, д. 18); ведущий научный сотрудник Отдела литератур народов России и СНГ, ФГБУН Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук; доктор филологических наук.

amineva1000@list.ru

ORCID ID: 0000-0003-4016-2242

Нагуманова Эльвира Фирдавильевна доцент кафедры русской литературы и методики её преподавания, Казанский (Приволжский) федеральный университет (420008, Российская Федерация, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Кремлевская, д. 18), кандидат филологических наук.

ehlviran@yandex.ru

ORCID.ID: 0000-0003-3103-103X

Хабибуллина Алсу Зарифовна, доцент кафедры русской литературы и методики её преподавания, Казанский (Приволжский) федеральный университет (420008, Российская Федерация, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Кремлевская, д. 18), доктор филологических наук.

alsu_zarifovna@mail.ru

ORCID ID: 0000-0002-3332-4066

ABOUT THE AUTHORS

Amineva Venera Rudalevna, Professor, Department of Russian Literature and Teaching Methodology, Kazan (Volga Region) Federal University (420008, Russian Federation, Republic of Tatarstan, Kazan, Kremlevskaya Str., 18); Leading Researcher, Department of Literature of the Peoples of Russian Federation and the CIS, A. M. Gorky Institute of World Literature, Russian Academy of Sciences; Doctor of Philological Sciences.

amineva1000@list.ru

ORCID ID: 0000-0003-4016-2242

Nagumanova Elvira Firdavilyevna, Associate Professor, Department of Russian Literature and Teaching Methodology, Kazan (Volga Region) Federal University (420008, Russian Federation, Republic of Tatarstan, Kazan, Kremlevskaya Str., 18), Candidate of Philological Sciences.

ehlviran@yandex.ru

ORCID.ID: 0000-0003-3103-103X

Khabibullina Alsu Zarifovna, Associate Professor, Department of Russian Literature and Teaching Methodology, Kazan (Volga Region) Federal University (420008, Russian Federation, Republic of Tatarstan, Kazan, Kremlevskaya Str., 18), Doctor of Philological Sciences.

lsu_zarifovna@mail.ru

ORCID ID: 0000-0002-3332-4066